

PG 3300
S63 P29
1874

Class ~~PGR 450~~

Book ~~P3 S4~~

YUDIN COLLECTION

СҮР

Павловъ Н. М. (N. M. Pavalov Mikhaïlovitch)
Slovó o polku Igoreve

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Н. М. ПАВЛОВА.

//

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1874.

PG 3300

.S63 P29

1874

306071

Доволено цензурою. Москва, февраля 27 дня 1874 г.

95-134339

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Ни одному памятнику нашей древней литературы не по-счастливилось такимъ множествомъ изданій и такимъ богат-ствомъ комментариевъ какъ *Слову о Полку Игоревѣ*.

Съ одной стороны это вполнѣ понятно: это памятникъ ис-ключительный, единственный въ своемъ родѣ. Тогда какъ по-чти вся древняя письменность сводится у насъ лишь къ цер-ковной проповѣди, *Слово* представляетъ яркій образецъ свѣт-ской литературы и къ тому же весьма талантливый. По жи-вости поэтическихъ красокъ, по занимательности и разнооб-разію картинъ внутренней жизни, такъ-называемаго удѣльна-го періода, это источникъ драгоценный и ничѣмъ не замѣни-мый. Читая *Слово*, чувствуешь самую душу древней княже-ской Руси, угадываешь ея бытъ.

Неудачный походъ Игоря, окончившійся его лѣтномъ, впол-нѣ подтверждается лѣтописями; но поэтъ передалъ его въ сво-емъ одушевленномъ разказѣ еще какъ участникъ и очевидецъ событія. Многія характеристическія черты и неудовимо-жиз-ненные подробности, разсѣяныя на протяженіи цѣлой поэмы, въ томъ убѣждаютъ невольно. Самый языкъ *Слова* достигаетъ мѣстами высокаго поэтическаго одушевленія и, пройдя сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, до сихъ поръ звучитъ пріятно. Всего этого уже слишкомъ достаточно для того чтобъ объяснить всеобщее и вполнѣ заслуженное сочувствіе къ *Слову о Полку Игоревѣ*.

Но съ другой стороны есть еще причины совѣмъ инаго рода которыя постоянно побуждаютъ знатоковъ нашей старины обращаться къ этому памятнику съ новыми разысканіями: онъ грозятъ уже никогда не кончиться и самое изученіе памятника обращается при этомъ не въ ученую или художественную работу, а въ какую-то умственную игру, въ *casse-tête* своего рода.

Дѣло заключается въ томъ что *Слово о Полку Игоревѣ* вовсе не народная поэма, а весьма искусственное произведеніе чисто личнаго творчества. Это произведеніе такого пѣвца который усвоилъ себѣ, такъ-сказать, нарочито-схоластическіе приемы и придалъ своему сочиненію совершенно особую, нарочито витійственную форму. Пѣвца *Слова*, по справедливости, можно отнести къ числу тѣхъ пѣвотворцевъ о которыхъ у Кирилла Туровскаго между прочимъ сказано такъ: „*Историчи и вѣтія, рекше жътописци и пѣснотворци, приклоняють своя слухъ въ бывшія мѣсю цари рати и възпльченія да украсятъ словеса и возвеличатъ мужьствовавшья крѣпко... и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаютъ.*“ Самый языкъ *Слова о Полку Игоревѣ* вовсе не народный языкъ; онъ рѣзко запечатлѣнъ личными особенностями автора; быть-можетъ даже прямо погрѣшностями. И вотъ такого-то рода исключительный и совершенно своеобразный памятникъ, въ довершеніе всего, уцѣлѣлъ до нашихъ временъ въ единственной редакціи, не представляя для своего слученія ни одного варианта. Притомъ самая рукопись, какъ извѣстно, сгорѣла въ Москвѣ при нашествіи Французовъ, и текстъ *Слова* читается лишь по печатной редакціи Мусина-Пушкина, которому принадлежала погибшая рукопись.

Весьма попятно что въ списокѣ дошедшемъ до Мусина-Пушкина могли заключаться и нечаянныя ошибки, и невѣжественныя поправки перелищниковъ, и совершенныя искаженія текста мудровавшими літателями; наконецъ, просто были описки, быть-можетъ цѣлыя пропуски противъ первоначальнаго текста. Понятно что самъ издатель, Мусинъ-Пушкинъ, не могъ избѣгать новыхъ ошибокъ при разборѣ неразборчиваго текста: многія искаженія, которыя по крайней мѣрѣ обличали себя тѣмъ что не представляли даже грамматическаго смысла, онъ, осмысливъ по своему крайнему разумѣнію, кристаллизовалъ въ правильныя сочетанія словъ, чѣмъ ввелъ въ двойное заблужденіе дальнѣйшихъ изслѣдователей. Редак-

ція Слова о Полку Игоревъ подъ конецъ всего представляется такою что чуть не каждый стихъ подаютъ поводъ къ двусмысленности, а нѣкоторыя отдѣльныя реченія кажутся какими-то осколками искаженныхъ или просто на половину утраченныхъ стиховъ.... Поле къ догадкамъ является безграничнымъ; но это уже не ученая работа, какъ мы сказали, а игра въ casse-tête.

Если въ стихахъ любаго изъ новѣйшихъ поэтовъ можно указать замѣны одного стиха другимъ, и оба будутъ правильны, и даже смотря по личному вкусу каждаго, одинъ будетъ казаться лучше другаго,—то не праздно ли спорить о такихъ замѣнахъ и доискиваться правильнѣйшаго варіанта у лѣвца XII столѣтія? Если въ томъ или другомъ случаѣ именительный падежъ совпадаетъ съ винительнымъ или дательный съ предложнымъ, и смыслъ рѣчи одинаково допускаетъ и то и другое, то можетъ ли что-нибудь быть безконечнѣ споровъ о томъ какой же именно изъ этихъ двухъ падежей былъ однако въ намѣреніи у самого лѣвца XII столѣтія?

Многіе изъ критиковъ Слова спорятъ другъ съ другомъ по вопросамъ именно этого рода, но есть другіе которые идутъ гораздо далѣе. Всякое мало-мальски темное и для кабинетно-ученой критики непонятное мѣсто (весьма часто объяснимое изъ примѣровъ охотничьей или казацкой или даже просто крестьянской жизни) они стараются объяснить мифами и старинною мифологіею, то-есть: объяснить одно неизвѣстное другимъ еще болѣе неизвѣстнымъ. Этимъ путемъ многія мѣста Слова о Полку Игоревъ пзвращены окончательно, и имъ приписываютъ чудовищный смыслъ. Въ ошибкахъ противъ языка, въ простыхъ погрѣшностяхъ, либо автора, либо переписчиковъ, ученая критика не рѣдко усматриваетъ вполнѣ законныя архаизмы, нелишенные даже своего рода прелести.

Слово о Полку Игоревъ, такимъ образомъ, съ одной стороны, отъ искаженій печатной редакціи, а съ другой, отъ массы мифическихъ толкованій, окуталось въ концѣ-концовъ какимъ-то таинственнымъ и мрачнымъ покровомъ, изъ-подъ котораго уже никакъ не выгянетъ на свѣтъ Божій его простой поэтической и всякому понятный смыслъ.

Замѣчательно что самый переводъ или правильнѣе сказать переложеніе этого памятника на современный языкъ дѣлалось у насъ до сихъ поръ или какою-то торжественною прозою, или рифмованными, а иногда бѣлыми стихами на какой-то

мужицкїй ладъ, съ гримасою лихости и непремѣннымъ напу-
щенїемъ же-русицизмовъ.

Можно съ основательностію утверждать что простой, впло-
нѣ естественный русскїй языкъ, самый лучшїй для переложен-
нїя какихъ бы то ни было памятниковъ древней русской пись-
менности. Что же касается до вопроса: переводить ли *Слово*
о *Полку Игоревѣ* прозой, или напротивъ стихами, то отвѣтъ
на это обусловливается самимъ подлинникомъ.

Слово о Полку Игоревѣ даетъ угадывать что оно разказыва-
лось пѣвцомъ въ гридницѣ у князя предъ многочисленными
слушателями. Рѣчь сказателя раздавалась то протяжно и съ
нѣкоторою заученностью гдѣ ловыситъ и гдѣ понизитъ голосъ;
то лилась мѣрною скороговоркою; то плавными длинными сти-
хами безъ опредѣленнаго размѣра; то наконецъ достигала чи-
сто лирическаго воодушевленїя, которое и выражалось сти-
хомъ съ опредѣленною цезурой. Музыкальность этихъ отдѣль-
но-выдающихся стиховъ даже сейчасъ, пройдя сквозь цѣлый
рядъ вѣковъ, не утратила своего обаянїя. Переводъ, удержи-
вая строка за строкою расположенїе самаго подлинника и
передавая текстъ по возможности дословно и дострочно,
долженъ въ то же время передавать и этотъ постоянно мѣня-
ющїйся вольный размѣръ, никогда не подчиняющїйся едино-
образїю.

Понятно что слагатель *Слова*, обращаясь къ своимъ много-
численнымъ слушателямъ въ гридницѣ князя, однимъ тономъ
дѣлалъ напримѣръ самое обращенїе: *Не льпо ли ны бяшетъ,
братїе, начати старьми словесы*, обращенїе въ которомъ
проглядываетъ даже намѣренная книжность съ его стороны,
и слѣдовательно оно и читается нѣсколько на книжный ладъ
съ протяжностью. И въ то же время онъ уже совершенно дру-
гимъ тономъ передавалъ оживленную картину горячаго слѣха
военныхъ приготовленїй: *Гремѣтъ слава въ Кїевѣ! Трубы тру-
бятъ въ Новьградѣ!* Наконецъ еще новымъ тономъ помѣчалъ
онъ отдѣльными припѣвками какъ бы символическими изрече-
нїями стародавняго эпоса переходы своихъ постоянно мѣ-
няющихся эпитетовъ: *Быль вѣкъ Траяновъ!* при переходѣ къ
воспоминанїямъ о кровавыхъ свѣчахъ, или: *Не коня поютъ на
Дунай*, когда онъ переходитъ къ *Плачу Ярославны*.

Такой переливъ тоновъ и слышенъ въ стихахъ *Слова*, хотя
подъ стихами тутъ слѣдуетъ разумѣть совѣтъ не то что обо-
значается этимъ именемъ въ наше время.

Слово о Полку Игоревъ, какъ мы сказали, сложилось не въ народѣ и не народомъ, а по всей вѣроятности придворнымъ княжескимъ лѣвдомъ, ученымъ мастеромъ своего дѣла, „искуснымъ витію“ какъ это называлось въ старину. Это весьма стройная по своему сочиненію поэма, съ планомъ вполне обдуманнѣмъ и хорошо выдержаннѣмъ; поэма сложенная по правиламъ ученымъ съ явнымъ отгѣнкомъ такъ-называемаго „высокаго слога“ и того самаго классицизма, преданіе о которомъ сохранялось въ школахъ среднихъ вѣковъ и возводилось къ самому Гомеру. Обращеніе къ баснословному Бояну; олицетвореніе вѣтровъ какъ внуковъ Стрибога; наименованіе князя внукомъ Дажбога, упоминаніе о Хорсѣ и тому подобное, все это не что иное какъ только признаки преданія и школы. Это прикрасы которыми авторъ платилъ дань своему, школоу созданному, направленію.

Авторъ вѣроятно былъ дружинникомъ князя; а княжеская дружина заключала въ себѣ не мало пришельцевъ, Славянъ смѣшанной національности, которые могли скитаться и въ Венгріи, и въ Чехіи, и въ Польшѣ, прежде чѣмъ попасть на службу къ русскому князю. Въ самомъ *Словѣ* есть одно мѣсто не лишнее въ этомъ отношеніи интереса: упомянувъ о подвигахъ Киевскаго Святослава, который *наступилъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и овраги*, и сопоставивъ съ такими подвигами неудачный походъ Игоря, который напротивъ того *все доброе похоронилъ на днѣ Каялы рѣки, разсорилъ тамъ русское золото*, лѣвдець восклицаетъ:

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава
Поютъ славу Святославу!

Эти Нѣмцы, Венеціане, Греки и Морава здѣсь обозначаютъ не непременно тѣ дальнія страны, въ которыя могла бы пожалуи проникнуть слава о подвигахъ Святослава; лѣвдець тутъ могъ разумѣть тѣхъ пришельцевъ изъ разныхъ земель которые находились на службѣ у князя и числились въ его дружинѣ. Лѣвдець *Слова* заставляетъ этихъ же самыхъ Нѣмцевъ, Венеціанъ, Грековъ и Моравовъ оплакивать тоже горькую судьбу Игоря:

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава,
Поютъ славу Святославу;

Они корятъ князя Игоря,
Который все доброе похоронилъ
На днѣ Каялы,
Половецкой рѣки;
Разсорилъ тамъ русское золото.

Притомъ о присутствіи иностранцевъ въ княжіихъ дружинахъ извѣстно съ самыхъ отдаленныхъ временъ; въ лѣтописяхъ не упоминается почти ни объ одномъ князѣ безъ того чтобы не назвать между его ближними или служителями какого-нибудь иностранца: или Венгра, или одного изъ высчитанныхъ лѣвцомъ *Слова*, или вообще Фряга. Многие изъ нихъ могли приносить съ собою и передавать своимъ товарищамъ по дружинѣ школьное образованіе тогдашней средневѣковой Европы, о которомъ мы говорили. Впрочемъ, это образованіе было принесено еще прямо изъ Греціи и могло водвориться даже въ тѣхъ школахъ которыя послѣ принятія христіанства были заведены Святымъ Владиміромъ и особенно умножились во времена Ярослава.

Сочетаніе въ одномъ лицѣ и лѣвца и дружинника представляется совершенно естественнымъ. Съ этой стороны очень важно свидѣтельство Ипатьевского лѣтописца о какомъ-то *славутыномъ лѣвцѣ Митусѣ* которому вмѣняли въ гордость его нехотѣніе служить князю Даниилу. Здѣсь умѣстно будетъ написать это свидѣтельство, тѣмъ болѣе что цыне въ этомъ пресловутомъ Митусѣ хотѣли видѣть никого другаго какъ самого автора *Слова о Полку Игоревѣ*.

Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1241 годомъ читается:

„И слышавъ Костянтинъ Андреа грядуща нань, избѣже ночью. Андрей же не удоси (не застигъ) его, но удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутынаго лѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздранаго аky связанаго приведоша.“

Уже давно было замѣчено что ни одинъ изъ древнихъ памятниковъ не отличается такою искусственностью выраженія какъ *Слово о Полку Игоревѣ*. Мы не говоримъ объ этихъ дѣйствительно книжныхъ словахъ и выраженіяхъ, каковы: „лѣснотворецъ“ вмѣсто поэтъ, „трудная повѣсть“ вмѣсто героическая поэма, „замышленіе Бояна“ вмѣсто фантазія Бояна. Такъ какъ не было современныхъ словъ для выраженія соотвѣтствующихъ понятій, то и понятно что для выраженія

пришлось сочинять слова и составлять их искусственно. Но мы говоримъ про книжность и сочиненность еще такихъ выраженій и для передачи такихъ представленій которыя весьма точно и живо передавались въ народной поэзи. Такъ напримѣръ, желая выразить что Русскими было захвачено множество добычи у Половцевъ, такъ что бархатами и разными драгоценностями можно было мосты мостить по грязямъ да по болотамъ (оборотъ употребляемый весьма часто въ народной поэзи) авторъ выражается такъ: „начали мосты мостить по болотамъ и грязивымъ мѣстомъ“. Выраженіе: *по грязивымъ мѣстамъ*, конечно, правильно въ грамматическомъ отношеніи; но едва ли это живой языкъ, а не книжный.

Для выраженія самаго ранняго утра, чему въ народной поэзи соотвѣтствуютъ обороты: до зари, до свѣта, наконецъ просто: ранымъ-рано, ранёшенько,—пѣвецъ употребляетъ такую форму: „вельми рано“—выраженіе совершенно прозаическое и опять-таки книжное.

Такого рода книжность и, какъ мы выразились, *сочиненность* многихъ словъ и цѣлыхъ выраженій въ *Словъ о Волку Игоревѣ*, перемѣшиваясь то съ просторѣчiami, то съ мѣстными провинциализмами, образуетъ какую-то пеструю мозаику словъ. Такого-то рода мозаичность и обнаруживается въ языкѣ автора *Слова*. Наряду съ сочиненными и искусственно составленными словами, какъ „лѣснотворецъ“, „трудныя повѣсти“ и пр. онъ то и дѣло употребляетъ еще такія слова которыя явно относятся къ чисто мѣстнымъ провинциализмамъ и просторѣчiamъ. Сюда можно отнести: „засаложникъ“, „текть“, „клектъ“, „всѣрожать“, „кычетъ“, „каять“, „бусый“ и другіе. Замѣтимъ о послѣднемъ словѣ: „бусый“ что оно просто означаетъ *сѣрый*, и въ этомъ смыслѣ значится въ *Областномъ словарѣ*, какъ провинциализмъ Псковской губерніи. Въ этомъ значеніи слова *бусый* нельзя сомнѣваться уже потому что пѣвецъ *Слова* придаетъ его, какъ эпитетъ, волку; въ народной поэзи и говорится всегда: сѣрый волкъ. Такимъ образомъ объясняется еще и выраженіе въ *Словѣ*: *бусыя враны* (босови врани) переведенное иными: *бѣсовы воронѣ*. Такъ какъ вѣрному соотвѣтствуетъ всегда эпитетъ *черный вѣронѣ* и цвѣтъ вѣрона таковъ дѣйствительно, откуда и выраженіе о черной масти: *воронѣй*, цвѣтъ вѣронова крыла, то *бусый вранѣ* значитъ просто *воронѣна*, птица того же рода что и вѣронѣ, но, какъ всѣмъ извѣстно, сѣрая.

Такъ какъ, впрочемъ, до насъ *Слово* дошло въ испорченной и искаженной редакціи, то было бы слишкомъ неблагоприятно дѣлать объ языкѣ этого памятника какіе-нибудь окончательные выводы; тѣмъ болѣе что, не говоря уже о цѣльности поэмы и вообще о несомнѣнномъ поэтическомъ талантѣ автора, цыны мѣста и отдѣльныя строчки, даже со стороны языка, представляютъ образцы высокаго творчества.

Повторяемъ, къ языку *Слова о Полку Игоревѣ* слѣдуетъ относиться съ крайней осмотрительностію, безъ чего ученая критика ставится въ постоянную опасность принимать простую неумѣлость или погрѣшность автора, а иногда просто ошибку писца за вполне законный архаизмъ.

Одно изъ воззваній къ Бояну у лѣвца *Слова* возбуждено сожалѣніемъ что не онъ, не славный Боянь, воспѣваетъ походъ Игоревъ. „Кабы ты, Боянь, воспѣлъ этотъ походъ!“ восклицаетъ лѣвецъ. „Кабы ты сложилъ славу нашему времени!“ Последній стихъ читается одними такъ: „Слѣвая славу оба-полы сего времени“, другими такъ: „Свивая славу оба-полы сего времени“. Такъ какъ выраженіе *сложитъ славу* совмѣщаетъ оба варьянта, и *слѣвая* и *свивая*, то именно его, кажется намъ, и слѣдуетъ удержать въ переводѣ. Но какъ передать это: „оба полы сего времени?“ Этимологія очевидна: объ половины, объ стороны; но это не значитъ еще чтобы само выраженіе, вновь происшедшее отъ такого корня, и сложившееся въ особое самостоятельное слово, повторяло только буквально смыслъ своего корня. „Оба-полы сего времени“ едва ли не слѣдуетъ читать: „обалопь сего времени“; а это на языкѣ даже нынѣшняго сельскаго простонародья означаетъ уже весьма простое понятіе: около нашего времени, близъ нашего времени, вкругъ нашего времени и т. п. Такъ крестьянинъ говоритъ: всѣ обалопь знаютъ, или: всѣ въ обалопи знаютъ, или даже: вся обалопь знаетъ; во всей обалопи хлѣбъ не уродился. Поэтому, кажется намъ, всѣхъ вѣрнѣе перевелъ это мѣсто г. Вельтманъ: „слѣвая намъ *современную* славу“; напротивъ того, только затемняли простой смыслъ этого мѣста всѣ тѣ которые его объясняли намѣреніемъ лѣвца создать какой-то поэтической образъ свиванія времени прошедшаго, настоящаго и будущаго, „свивать славу Игоря со славою его предковъ“, „свить прошедшее съ настоящимъ, времена славы Олега и Игоря“.

Трояновъ валь, который подозрѣвали въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* въ стихѣ: „рища тропу Трояню“, весьма правдоподобно объясняется намѣренной опиской мудрствовавшаго перепищика, который Трояню, поставилъ вмѣсто Бояню. И смыслъ дѣлается простъ и ясенъ. Такъ какъ предъ тѣмъ только лѣвецъ обращался къ Бояну, носящемуся и по лѣсамъ и по облакамъ, съ приглашеніемъ воспѣть походъ Игоревъ, и въ заключеніи приступаетъ самъ къ описанію похода прилѣвками на ладъ Бояна, то это обращеніе въ цѣломъ вполнѣ вѣрно читается такъ: „Несясь во слѣдъ Бояну, чрезъ поля на горы, такъ бы надлежало пѣть лѣвцу Игорю вынѣшнему лѣвцу, послѣдователю Бояна“ и приводятся примѣры залѣвовъ.

Напротивъ того, въ другомъ мѣстѣ, гдѣ перепищикомъ поставлено „Бояню“ слѣдуетъ именно читать „Трояню“ или еще правильнѣе Тьмутораканю. Земля Тьмутораканская, впрочемъ, для перепищика которому не были чужды преданія о царѣ Траянѣ и о землѣ и войнѣ Троянской—земля Тьмутораканская, говоримъ, могла представляться Троянской землею или землею царя Траяна. Такъ какъ однакожь эта „земля Бояня“, а по другимъ „земля Траяна“ обозначена въ *Словѣ* весьма опредѣленно: „у великаго Дона на берегу Синяго моря“, то ясно что это Тьмуторакань, о которой вообще въ *Словѣ* поминается то и дѣло; далѣе мы будемъ имѣть еще случай подробнѣе разобрать это мѣсто.

Затѣмъ, имя собственно царя Траяна, оставившаго по себѣ кровавую память въ Славянахъ, уже не ошибочно, а согласно съ подлиннымъ стихомъ лѣвца, поминается развѣ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ рѣчь идетъ о кровавыхъ сѣчахъ, о „которѣ“ и о насиліи.

При описаніи вторженія Игоря въ Половецкую землю, слѣдуютъ извѣстные стихи: „Дивъ кличетъ врѣху древа, Велитъ послушати земли незнаемѣ: Влѣзѣ, и Поморію, и Посулію! И Сурожу и Корсуню! И тебѣ Тьмутораканскій блѣвань!“ Тутъ подозрѣваютъ мифическій смыслъ. Съ одной стороны, видятъ мифическое существо въ Дивѣ; съ другой, выраженіе „земли послушати“ подастъ поводъ къ смутнымъ догадкамъ. По нашему мнѣнію, настоящій смыслъ этого мѣста чрезвычайно простъ. Сейчасъ мы скажемъ подробнѣе о самомъ *дивѣ*; но вотъ общій смыслъ этого мѣста. Едва непріятель, то-есть русское войско,

вступилъ въ степь, которая отъ Сулы и Волги до Сурожа и до самой Тьмуторакани уже была подъ властью поганыхъ Половцевъ (откуда и выраженіе: идолице Тьмутораканское), Дивъ и бьетъ тревогу на всю эту округу, отъ Волги до Тьмуторакани, призывая хозяевъ земли, Половцевъ, беречься вторгнувшихся чужеземцевъ. Кого же здѣсь разумѣютъ подъ Дивомъ?

Этимъ именемъ—объясняютъ иные—зовутъ зловѣщую птицу, филина; авторъ только и рисовалъ эту простую картину: зловѣщая птица прокричала съ вершины дерева, и жутко стало воинамъ Игоря. Этотъ зловѣщій крикъ отдался въ ихъ душѣ, какъ зовъ нечистой силы, кликнувшей Половцевъ противъ нихъ. Допустимъ что оно и такъ; но въ поэзіи всякое представленіе болѣе или менѣе фантастично и возбуждаетъ въ душѣ цѣлый строй впечатлѣній однородныхъ, параллельныхъ. Поэтому и *дивъ* въ этомъ мѣстѣ можетъ означать кромѣ филина еще какой-нибудь зловѣщій образъ. Только нѣтъ никакой надобности разумѣть тутъ непременно что-нибудь таинственное и мифологическое. Напротивъ того, сходственныя поэтическія параллели могутъ тутъ быть совершенно простаго характера и отвѣчать самымъ фамильярнымъ мотивамъ тогдашняго быта. Какой бы другой образъ, кромѣ филина, ни разумѣлся въ зловѣщемъ дивѣ, ясно однакожь что этому образу приписывается именно вѣщаніе; во всякомъ случаѣ, это какой-то вѣстникъ; это какой-то вѣщунъ.

Намъ припоминается сторожевая жизнь степной русской украинны и весьма характерный способъ карауловъ, устроенныхъ для наблюденія за степными хищниками. Этотъ способъ, со времени кievскихъ князей, боровшихся съ Половцами, сохранялся еще и въ московскій царскій періодъ, когда врагами уже являлись Крымскіе Татары. На одинокихъ дубахъ, разсѣянныхъ по всей безпредѣльной равнинѣ, сидятъ вверху стражники, дозорцы, и пристально смотрятъ въ безконечную степную даль. Подъ дубомъ еще другой стражникъ, и два осѣдланыхъ коня. Завидится вдали пыль или вообще какая-нибудь тревога отъ табуна или отъ войска, стражникъ подастъ кличъ съ верху дерева; его товарищъ подъ дубомъ садится на одного изъ осѣдланыхъ коней и ѣдетъ къ слѣдующему такому же пункту.

Но вотъ разказъ очевидца, котораго такой способъ степ-

ныхъ карауловъ поразилъ какъ иностранца, ничего подобнаго не видѣвшаго на своей родинѣ; разказъ, относящійся уже ко временамъ царей московскихъ, но какъ мы сказали, такой же способъ степной охраны существовалъ и во времена Киевской Руси.

„Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ татарскихъ, Россіяне постуляютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя Царскою, Крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 версть. По большей части, при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями; одинъ сторожить на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣданныхъ. Сія всадники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показывается рукою, гдѣ видѣли непріятеля. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже вдали замѣчаетъ скачущаго всадника и едва пойметъ изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, уведомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того что видѣли непріятеля; а нерѣдко вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ остававшійся при первомъ деревѣ также при скачетъ и подтвердить слова своего товарища, тогда съ прибытіемъ вѣстника войско беретъ за оружіе“ (Маржеретъ изд. Устрялова).

Въ приведенномъ разказѣ иностранца могутъ быть невѣрны нѣкоторыя подробности, такъ напримѣръ иногда могъ товарищъ дозора скакать по его крику съ дерева, иногда самъ дозорщикъ; но отъ этого ничего не измѣняется. Вотъ этихъ-то стражниковъ, вѣстниковъ, дозорцевъ—дружинники на своемъ фамильярномъ языкѣ и могли величать дивами, если подъ дивомъ дѣйствительно разумѣется сова зловѣщая. Впрочемъ, корень *див*, *дивится* самъ по себѣ означаетъ дозора, такъ какъ въ малорусскомъ нарѣчій *дивиться* значитъ просто: глядѣть; а въ великорусскихъ губерніяхъ народъ говоритъ:

чему дивиться? если на что-нибудь пристально засмотрѣлись.

Такимъ образомъ, къ болѣе фамиллярнымъ представленіямъ которыя могли смѣшиваться съ общимъ поэтическимъ представленіемъ дива, относилось и представленіе о такихъ именно стражникахъ, о такихъ именно степныхъ вѣстникахъ.

Когда первый стражникъ, возвѣстившій тревогу, самъ сошелъ съ дерева на землю и на своемъ собственномъ конѣ являлся въ городъ подтвердить тревогу, тутъ ужъ войско не мѣшка выступало въ походъ противъ вторгнувшагося чужеземца. Вотъ это-то на фамиллярномъ (а вовсе не на торжественномъ) языкѣ дружинниковъ и могло значить: „Уже дивъ свергнулся на землю!“—выраженіе, которое далѣе и встрѣчается въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*.

Послѣ разказа о томъ какъ Игоревое войско было разбито и самъ князь взятъ въ плѣнъ, есть мѣсто въ *Словѣ* которое наиболѣе смущало ученую критику. Для его объясненія придумали цѣлую гипотезу о двуликой сиренѣ, о какой-то мифической Дѣвѣ-Обидѣ. Мы совершенно упраздняемъ эту Дѣву-Обиду, и читаемъ это искаженное мѣсто такъ: „И вотъ, братья! ужъ невеселое времячко наступило! Пустыня силушку похоронила! Проснулась печаль-досада (обида) въ разбитомъ войскѣ князя!“ Здѣсь ставимъ мы точку, картина обиды кончилась; и слѣдующій періодъ объясняетъ напротивъ того: какую радостью отозвалась вѣсть о побѣдѣ надъ русскимъ княземъ на азовскомъ побережьи въ самой Тьмутаракани, то-есть въ землѣ Половцевъ. Этотъ періодъ мы читаемъ такъ: а дивъ вступилъ на землю Тьмутараканскую и залескавъ лебедиными крылами у Дону на берегу Синяго моря, возвѣстилъ ширококоразольныя времена. (Тьмутараканская земля въ устахъ умствовавшего книжника обратилась въ землю „Трояню“ и „Бояню“.)

Наше толкованіе этого мѣста (раздѣленіе одного періода на два различныхъ, при чемъ обиду относимъ только къ разбитому войску Игоря; и замѣна стиха: „Дѣвою вступила“ стихомъ „а дивъ вступилъ“) просто и правдоподобно. Оно воспроизводитъ поэтическую картину которая такъ естественно возникла въ воображеніи плѣвца: печаль-досада въ разбитомъ войскѣ; обида съ одной стороны; и ликованіе побѣды съ другой, то-есть у Половцевъ въ Тьмутаракани! Это толкованіе подтверждается подлинникомъ Пушкинской редакціи; у него

читаемъ: „вступилъ“, а вовсе не „вступила“. Такъ какъ сказуемое: *вступилъ* отнесли къ подлежащему: Дѣва-Обида, то естественно было замѣнять мужскую форму глагола формою женской. Но замѣчательно что были еще, кромѣ того, ученыя попытки объяснить самую эту неправильность сочетанія подлежащаго со сказуемымъ мифологическими догадками. Дѣва-Обида, говорили, есть не что иное какъ мифологическая Сирена; а Сирена уже дѣйствительно представляется существомъ то мужскаго, то женскаго рода. Въ этомъ будто намѣреніи пѣвецъ и употребилъ мужской родъ *вступилъ*, говоря о Дѣвѣ-Обидѣ.

Наше толкованіе этого мѣста, скажемъ въ заключеніе, подтверждается еще параллельнымъ мѣстомъ *Слова* которое повторяетъ опять ту же картину, то-есть съ одной стороны ликованіе Половцевъ въ Тьмуторакани, съ другой горестъ разбитаго войска Игоря: именно, бояре Святослава въ Кіевѣ, въ отвѣтъ на его разказъ о видѣнномъ зловѣщемъ снѣ, говорятъ: на рѣкѣ Каялѣ тьма свѣтъ покрыла, Олегъ и Святославъ заволоклись тьмою. Князьямъ-соколамъ крылья подрѣзаны; ихъ опутали въ желѣзныя луты, а въ то же время на Азовскомъ поморьѣ, въ Тьмуторакани, ликованіе побѣды. Тамъ дѣвушки заиграли веселыя пѣсни, и позваниваютъ русскимъ Игоревымъ золотомъ. Ясно что это только параллельное воспроизведеніе той же картины, повтореніе того же описанія.

Если можно привести еще другое мѣсто въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*, которое подавало поводъ къ такимъ же недоразумѣніямъ какъ пресловутое мѣсто о Дѣвѣ-Обидѣ, такъ это слѣдующее. Пожалѣвъ о старыхъ временахъ единодержавія Владиміра, пѣвецъ говоритъ такъ: а нынѣчѣ подѣлились полковыя знамена Владиміра между его потомками. Одни знамена принадлежатъ князю Рюрику, другія—князю Давиду; но уже въ разницу раздѣваются ихъ лохмотья. Картина въ высокой степени поэтическая и въ то же время чрезвычайно простая. Но это мѣсто долгое время читалось совершенно неправильно. „Стяги“, знамена, было прочитано: *сташи*; выраженіе: раздѣваются, распахиваются, было понято въ смыслѣ воздѣлыванія земли пахотою: „пашуть“; возвратное мѣстоименіе *ся*, отнесли къ слову *розно*, которое въ свою очередь было принято за *роза*, *рози*. Выходитъ чудовищный смыслъ; но на немъ

настаивали. „Но рози нося имъ, хоботы пашуть“. „Это безхитростное, ясное выраженіе (говоритъ одинъ изъ глоссаторовъ) почитается загадочною фразой, однимъ изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ поэмѣ, и толкованія одно другаго страннѣе. Это выраженіе гѣвецъ не выдумалъ, а подслушалъ въ народѣ, который былъ истощенъ безпрестанными войнами. Отдавая лучшихъ мужей, силу свою, *роги*, въ полки Рюрика и Давида, приходилось пахать оставшимися въ селахъ хвостами, слабыми женщинами и старцами.“ (Вельтманъ)

Есть еще одно мѣсто въ *Словѣ* которое, по мнѣнію большей части глоссаторовъ, объяснено какъ нельзя лучше, но которое едва ли не было бы благоразумнѣе вовсе выбросить, обозначивъ точками, какъ явное искаженіе или какъ такое четверостишіе въ которомъ ошибокъ и описокъ больше чѣмъ стиховъ. Гѣвецъ оплакалъ несчастіе Игоря поэтическими стихами: „Высоко занесся соколъ, птиць сбывая къ морю! Храбрыхъ Игорева войска—нѣтъ, не воскресить ужъ;“ И прежде чѣмъ перейти къ описанію плача женъ по всей Русской землѣ, говоритъ, по Пушкинской редакціи, слѣдующее: „За нимъ кликну, карна и жля покочи по русской землѣ, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ. Жены русскія восплакашась“ и пр.

Карну и *Желю* глоссаторы обратили въ собственные имена половецкихъ хановъ, и устремивъ ихъ съ огнемъ и мечомъ на русскія села, они вставили имъ въ руки какой-то пламенный рогъ, изъ котораго будто, какъ изъ древняго огнестрѣльнаго оружія, ханы метали огонь и вообще зажигательные снаряды. Картина смѣлая. Половцы Карна и Желя скачутъ по русской землѣ и мечутъ огонь изъ пламеннаго рога! Но, *вопервыхъ*, современные половецкіе ханы были Гзакъ и Кончакъ, поминутно поминаемые въ самомъ *Словѣ* и которыхъ имена подтверждаются лѣтописями; напротивъ того, о Карнѣ и о Желѣ нигдѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. А *вовторыхъ* самая картина древняго огнестрѣльнаго оружія въ видѣ какого-то пламеннаго рога, изъ котораго мечется смага, картина слишкомъ натянутая. Такимъ образомъ и простое художественное чувство, и грамматическій смыслъ, одинаково не допускаютъ принять такое толкованіе этого очевидно испорченнаго и совершенно искаженнаго четверостишія. По связи смысла съ предшествующимъ и послѣдующимъ, по сличенію этого мѣста съ заклю-

чительными стихами: *Жалость и печаль потекли эфирно по Русской земль*, едва ли не будетъ правильнѣе допустить что здѣсь говорится не о половецкихъ ханахъ, а о той именно жалости и печали которыя потекли по Русской землѣ, оглашаясь воплями въ народѣ. Такимъ образомъ при вступленіи къ описанію плача и горести повторились бы тѣ же самыя выраженія которыми заключено описаніе,—оборотъ не одинъ разъ употребляемый лѣвцомъ. При такомъ возсозданіи этого мѣста можно будетъ по крайней мѣрѣ опредѣлить элементы искаженныхъ словъ. *Карна*, быть - можетъ, должно читать просто „жирно“, какъ и читается дальше въ стихѣ: „Печаль жирна тече средь земли Русской“; а для объясненія слова „Желя“ довольно указать слѣдующія мѣста лѣтописей о томъ же событіи: „и тако въ день Воскресенія наведе на ны плачь и жалъ на рѣцѣ Каялы“, „въ радости мѣсто наведе на мя плачь, а въ веселье мѣсто желю.“ Такое простое объясненіе, повторяемъ, оправдывается заключительными стихами этого описанія, которые обыкновенно составляютъ лишь перифразисъ начала, общеупотребительный приѣмъ у лѣвца на протяженіи всей поэмы. Но такъ или иначе, а отъ половецкихъ хановъ Карны и Жели приходится рѣшительно отказать.

Въ одной изъ самыхъ послѣднихъ строфъ поэмы есть еще одно искаженное мѣсто; отъ него отказывались даже такіе глоссаторы которые не смущались строфами ни о Дѣвѣ-Обидѣ, ни о пашущихъ рогахъ населенія. Вотъ оно по Пушкинской редакціи: „Рекъ Боянъ и ходы на Святослава лѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгава Коганя хоти тяжко ти головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“. Это мѣстодалоповодъ, между прочимъ, одному ученому обвинять Бояна во враждебности ко всѣмъ прочимъ княжескимъ лѣвцамъ. Боянъ, утверждалъ этотъ толкователь *Слова о Полку Игоревѣ*, ходилъ на Ярославова лѣвца какою-то войною. Сбивчивость этого мѣста совершенно уничтожится, если допустить самыя незначительныя поправки; вмѣсто *ходы* на читать *годы*, или *годить*—слово весьма часто употребляемое лѣвцомъ, и еще слѣдуетъ отнести *хоти* (въ чемъ подозрѣвали родительный падежъ существительнаго *хоть*, душа, жена) къ самой поговоркѣ о головѣ безъ плечъ или тѣла безъ головы, какъ простой союзъ *хотя*. „Хоть и тяжко тебѣ головѣ безъ

плечъ, однакожь горе и тебѣ, тѣлу безъ головы!“ такую древнею поговоркою выражалась печаль земли, осиротѣвшей безъ князя когда онъ уходилъ въ походъ или погибалъ въ бою. Печаль знакомая княжествамъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ! Мудрено ли что и самую поговорку или прилѣвку, въ которыхъ выражалась эта постоянная печаль Русской земли, приходилось повторять лѣтцамъ чуть ли не всѣхъ княженій. Приблѣгнувъ къ этой же поговоркѣ для выраженія скорби Русской земли безъ Игоря, лѣтвецъ *Слова* естественно могъ упомянуть что она, эта извѣстная поговорка, повторялась и баснословнымъ Баяномъ, и всѣми лѣтотворцами стараго времени, какъ Ярослава, такъ и Олега князя. *Коганъ* вмѣсто князь говорилось въ старину въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ; лѣтвецъ *Слова* могъ употребить это слышанное имъ, и встрѣченное въ рукописяхъ, выраженіе безъ строгаго разбора. Такимъ образомъ, указанное мѣсто мы читаемъ такъ: Говорилъ Боянъ, и години Святославоу лѣтотворцы стараго времени, а также и лѣтотворцы Ярослава и Олега князя: хоть тяжко тебѣ, головѣ безъ плечъ; но тяжко и тебѣ, тѣлу безъ головы, Русской землѣ безъ Игоря.

Въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* редація не только цѣлыхъ періодовъ, но даже отдѣльныхъ строкъ, наконецъ отдѣльныхъ словъ, или простое олуцненіе частицы *не*, а иногда напротивъ пристановка этой частицы гдѣ не слѣдовало, вводили въ большое заблужденіе критику.

Бояна лѣтвецъ называетъ соловьемъ стараго времени. „О Бояне! соловію стараго времени!“ говоритъ онъ въ одномъ стихѣ, который не подаетъ повода подозрѣвать въ немъ поврежденности. Этимъ стихомъ и слѣдуетъ руководиться для истолкованія прочихъ стиховъ о Боянѣ, которые, напротивъ, обличаютъ испорченность редакціи. Въ извѣстномъ описаніи фантазіи Бояна, который взвивался какъ орелъ подъ облаками, есть еще стихъ, читаемый иными: „Растѣкашеться мыслію по древу.“ Это *мыслію* принималось другими за *мышью*, мышью; наконецъ, если не мышью, то векшею, бѣлкою. Строгость параллелизма дѣйствительно требуетъ чтобы фантазія Бояна, летавшая орломъ подъ облаками, растекалась бы и по дереву не чѣмъ-нибудь, а кѣмъ-нибудь. Вмѣсто *мыслію*, и слѣдуетъ читать: „Растѣкашеть славіемъ по древу.“ Что здѣсь опискою поставлено *мыслію*, а слѣдуетъ читать: *славіемъ*, до-

казывается именно послѣдующамъ мѣстомъ, въ которомъ Боянъ прямо называется соловьемъ, и вслѣдъ за такимъ прозвищемъ соловья, прибавлено еще: „скача соловьемъ по дереву“. Но куда же дѣвалось: *мыслию*? Такъ какъ въ этомъ стихѣ нельзя было обойти соловья, а прямо сказано: „скача соловьемъ по дереву“, то переписчикъ, введенный въ заблужденіе предыдущею опискою: *мыслию по дереву*, вставилъ отъ себя *мысль* и въ этотъ новый стихъ: вышло безграмотное *скача соловьемъ по мыслину дереву*. Для исправленія слѣдуетъ читать въ предыдущемъ стихѣ: соловьемъ по дереву; это же самое повторить и въ послѣдующихъ стихахъ, выкинувъ только ошибочно вставленное „мыслену“. Смыслъ такимъ образомъ получается несомнѣнный и ясный.

Подыскивая прилѣвка на старинный ладъ, на ладъ Бояна, для описанія выступленія въ походъ, лѣвецъ иносказательно говорить съ одной стороны о Русскихъ, которые молодцами идутъ черезъ широкую степь, съ другой стороны о Половцахъ, которые также понеслись къ Дону на встрѣчу врагамъ. Поятенъ по этому стихъ: не буря понесла соколовъ черезъ степь широкую (что относится до Игорева войска); не галки стадами бѣгутъ къ великому Дону (что относится къ Половцамъ). Но такъ какъ частица *не* пропущена въ Пушкинской редакціи при второмъ стихѣ, то и представляетъ совершенную бессмыслицу стихъ употребляемый иными: не буря понесла соколовъ черезъ широкую степь, а это галки бѣгутъ стадами къ великому Дону.

При видѣ солнечнаго затменія, князь Игорьъ, не смутясь дурнымъ предзнаменованіемъ, говоритъ рѣчь дружинѣ о походѣ на Половцевъ. Рѣчь князя въ этомъ мѣстѣ перебита на двое слѣдующею вставкою: „Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе застуги искусити великаго Дону“. Это *похоти* иныя объясняли тѣмъ что князю на умъ вспала мысль о *жени*. „Хоть“ въ смыслѣ душенька, а душа въ смыслѣ любимой жены, дѣйствительно употреблено одинъ разъ авторомъ въ стихѣ: „своей милой хоти, красной Глѣбовны!“ Но здѣсь напрасно искать того же смысла. Такъ какъ въ древнемъ стихотворствѣ придается большое значеніе именно параллелизму, причемъ соблюдается строгая симметричность всѣхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, а далѣе въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ „знаменіе застуги“, то едва ли не справедлива догадка Вельтмана

что *похоти* есть только испорченное „похыте“ сказуемое къ подлежащему „спала“, а „спала“ есть существительное, и въ этомъ случаѣ подлежащее, обозначающее: пыль, пыльность. *Спала*, можетъ быть наконецъ ошибочно написано вмѣсто: *Слава*; во всякомъ случаѣ, впрочемъ тутъ и пыль, пыльность употреблено въ смыслѣ славы и славолубія. На этомъ основаніи этотъ стихъ можно истолковать такъ: Слава князю умъ вскружила, или: пыльность отняла умъ у князя. Но во всякомъ случаѣ, переводъ этого мѣста стихомъ: Князю пришла мысль о женѣ—слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть.

Къ труднымъ мѣстамъ, не дававшимъ возможности никакого объясненія, можно еще отнести слѣдующія выраженія при описаніи Полоцкаго князя Всеслава: „Клюками подперся о кони“ и „возни стрікусы.“ Последнее объясняли какими-то подвижными возами со стѣннобитными орудіями, съ помощью которыхъ Вселавъ будто овладѣлъ Новгородомъ. Вѣрнѣе предположить искаженіе текста. Такъ какъ въ описаніи Всеслава тянется непрерывный рядъ глаголовъ, сказуемыхъ: Вселавъ металъ жребій, подперся клюками, поскакалъ, достигнулъ и такъ далѣе; въ каждомъ стихѣ отдѣльный глаголъ, отдѣльное сказуемое, то можно заключить по параллелизму что и „возни“ долженъ быть глаголъ со смысломъ сказуемаго, и по всей вѣроятности: *вонзи*, *вонзилъ*. Такъ какъ притомъ Вселавъ представленъ какимъ-то рыскающимъ звѣремъ, рыцаремъ не покидающимъ коня ни днемъ, ни ночью, то къ его фигурѣ по *Слову о Полку Игоревѣ*, всего приложимѣ картина именно всадника который то и дѣло коню задаетъ шпоры. Слово „колка“ въ смыслѣ шпоръ могло употребляться встарину; вѣроятно „клюками“ есть только описка вмѣсто „колками“ Слѣдовательно *подперся колками* значитъ втиснулъ въ коня шпоры, чему и отвѣчаетъ слѣдующій стихъ: и понесся къ городу Кіеву. Но если „той клюками подперся о кони“ дѣйствительно значить втиснулъ въ коня шпоры; то всего вѣроятнѣе что и въ слѣдующемъ стихѣ *вонзи стрікусы* повторена только прежняя картина: *вонзилъ шпоры*, или просто: *задалъ шпоры*.

Нѣтъ надобности останавливаться на мелкихъ подробностяхъ, которыя конечно всякій изучавшій этотъ памятникъ знаетъ наизусть и, увидавъ ихъ въ нашемъ переложеніи нѣсколько въ иной редакціи, самъ себѣ отдастъ отчетъ: почему мы именно такъ, а не иначе читаемъ подлинникъ.

Приступаемъ къ самому переложенію:

Вотъ, на что бы лучше, братья,
Пачать намъ на старинный ладъ
Важное сказанье
О походѣ Игоря—
Игоря Святославича?
Пачаться же той пѣснѣ
По современнымъ событіямъ,
А не по сочиненію Бояна.

А когда Боянъ вѣщій
Хотѣлъ кому пѣснь творить —
Онъ расточался соловьемъ по дереву,
Сърымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подь облаками.

Помните ль — бывало скажетъ —
Первыхъ временъ усобицы?
И какъ налустить десять соколовъ
На стаю лебѣдокъ...
Которую настигнетъ —
Та и запѣвала напередъ:

(Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Чтò зарѣзаль Редедю
Предъ полками Косожескими,—
Красавцу Роману Святославичу).

Боянъ-то, братья,
Не десять соколовъ
Пускалъ на стадо лебединое,
А палыцы вдохновенные свои
Положить только на живыя струны—
И онѣ ужь сами
Князьямъ гремѣли славу.

Начнемъ-те же такую повѣсть, братья,
Отъ стараго Владиміра
До нынѣшняго Игоря,
Какъ онъ умъ свой искусилъ твердостью,

Сердце изощрилъ мужествомъ,
Исполнился ратнаго духа
И навелъ свои храбрые полки
На землю Половецкую
— За землю Русскую.

Вотъ, Игорь поднялъ взоръ на свѣтлое солнце
И видитъ: всѣ его воины
Прикрыты отъ него затмѣемъ.

И сказалъ Игорь
Своей дружинѣ:
„Братья и дружина!
По-нашему: лучше мертвымъ пасть
Чѣмъ живымъ въ плѣнъ дасться.
Сядемъ-ка, братья, на своихъ борзыхъ коней,
Да посмотримъ-ка синяго Дону!“

Слава князю умъ плѣнила;
Желанье попытать Дону великаго
Ему и знаменье заслонило.
„Хочу, говорить, колье преломить
Объ край поля Половецкаго,
Съ вами, Русскіе!
Мнѣ хоть голову свою положить,
А лишь бы испить
Шлемомъ Дону!“

О, Боянъ,
Соловей стараго времени!
Кабы ты воспѣлъ этотъ походъ—
Соловьемъ разсыпаясь по дереву,
Легая орломъ подъ облаками,—
Сложилъ бы намъ славу вкругъ нашего времени!

Слѣдуя за Бояномъ
Черезъ поля на-горы,
Такъ бы было лѣтъ лѣсъ Игорью
Боянову потомку:
„Не буря понесла соколовъ
Черезъ поля широкія,
Не галки стадами бѣгутъ
Къ великому Дону!...“

Или еще вот бы какъ,
О, вѣщій Боянь,
Внукъ Велесовъ!

— Кони ржутъ за Сулою,
— Гремить слава въ Кіевѣ,
— Трубы трубать въ Новѣградѣ,
— Знамена разстанавливаются въ Путивлѣ.

Игорь ждетъ своего милаго брата Всеволода.
И сказалъ ему удалой Всеволодъ:

„Одинъ у меня братъ,
Одинъ мой свѣтъ свѣтлый,
Ты Игорь —
Оба мы Святославичи!“

„Ты сѣдай же, братъ,
Своихъ борзыхъ коней;
А мои тебѣ давно готовы,
Напередъ у Курска осѣданы!
А мои Куряне—чѣмъ же молодцы славные?
Вспеленуты подъ трубами,
Баюканы подъ шлемами,
Кондомъ копыя вскормлены.
Дороги—всѣ имъ извѣстныя!
Овраги—всѣ имъ знакомые!
Луки у нихъ натянуты,
Колчаны вскрыты,
Сабли отпущены,
Скачутъ какъ сѣрые волки въ поле,
Ищутъ чести самимъ себѣ,
А князю славы.“

Тогда вступилъ Игорь князь
Въ золотое стремя,
И лѣхалъ по чистому полю,—

А солнце ему тьмою путь застлало.

И вотъ ночь, застававъ грозой, птиць взбудила;
Подо-дъсу пошелъ свистъ звѣриный;
Злой вѣщуяъ кличетъ вверху дерева,
Велитъ стеречься
Невѣдомыхъ чужеземцевъ
— И Волгѣ, и Поморью, и Посулюю,
Сурожу и Корсуни,
И тебѣ, идолище тмуроканское!

Сами Половцы, по дорогамъ неизготовленнымъ,
Побѣжали къ великому Дону;
Разскрипѣлись ихъ арбы въ полночь,
Какъ распуганные лебеди, сказать бы.

Игорь войско къ Дону ведетъ.
Ужъ бѣда его манить птиць по-удолью;
Волки зачуяли грозу по оврагамъ;
Орлы клеткомъ сзываютъ звѣрей на кости;
Лисицы такъ и лаютъ на багряные щиты.

О, Русь!
Ты — уже за рубежемъ.

Долго ночь меркнетъ,
Свѣтъ-заря зашла,
Мгла поля покрыла,
Щелканье соловьевъ смолкло,
Галочій говоръ угомонился.
Русскіе всю широкую степь
Загородили багряными щитами,
Ищутъ чести самимъ себѣ,
А князю славы.

Въ пятницу, на зарѣ рано,
Они потоптали поганые
Половецкіе полки;
И, разсѣвъ по-полю стрѣлами,
Забрали красныхъ дѣвокъ половецкихъ,
А съ ними золота и паволокъ,
И дорогихъ бархатовъ.
Армячками, яланчейками, кожихами,

Начали мосты мостить
По грязямъ да по болотамъ —
И всякими драгоценностями Половецкими.

А красное древко—хоругвь бѣлая —
Красная чѣлка—наконечничекъ серебряный,—
Вотъ добыча самого Святославича.

И заночевало въ полѣ
Храброе Олегово гнѣздо,—
О, какъ далѣко залетѣло!

Породили его не затѣмъ чтобъ въ обиду дать:
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебѣ, черный воронъ,
Поганый Половчанинъ!

Ханъ Гзакъ бѣжитъ сърымъ волкомъ,
Кончакъ ему направляетъ слѣдъ
Къ великому Дону.

И на другой день ранѣшенько
Кржавыми зарями разсвѣтъ возвѣщается.
Черныя тучи идутъ съ моря,
Въ нихъ трелецуютъ синія молніи,—
Прикроютъ они собой четыре красныхъ солнышка!
Быть грому великому!
Идти дождю стрѣлами
Съ великаго Дону!
Здѣсь-то будетъ кольямъ приломаться!
Здѣсь-то натрещаться саблямъ
Объ племы Половецкіе
— На рѣкѣ Каялтѣ
У великаго Дону.

О, Русь!
Ты уже за рубежомъ!

И вотъ съ моря—внуки Стрибога —
Вѣтры повѣяли стрѣлами
На храбрые Игоревы полки....

Земля задрожала отъ гула,
Рѣки потекли мутно,
Вся степь покрывается пылью.
Знамена заговорили...
Это Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря;
И со всѣхъ сторонъ
Они русскіе полки обступили.
Буссово отродье,
Они кликами покрыли всю степь;
А храбрые Русскіе
Загородились багряными щитами.

О, удалой Всеволодъ!
Ужь ты выступилъ на оборону.
Прыщешь на враговъ стрѣлами,
Гремишь объ шлемы
Воронеными мечами.
Куда обернешь коня,
Золотымъ шлемомъ посвѣчивая,—
Тамъ и валяются поганья
Головы Половецкія.
Ищеллены саблями калеными
Ихъ аварскіе шлемы—
Тобою, все тобой, яръ-туръ Всеволодъ!

„Братцы! важны ли тому какія раны
Кто забылъ жизнь и почести!
Ужь не помнитъ города Чернигова,
Ни отцовскаго золотого стола,
Ни даже своей души милой
Красной Глѣбовны —
Совѣта и привѣта?“

Былъ вѣкъ Траяновъ.

Прошли года Ярославовы.
Миновали и Олеговы походы
— Олега Святославича.
Ужь какъ тотъ Олегъ
Мечомъ крамолу коваль,
Онъ ее стрѣлами по землѣ сѣялъ.

Вступаетъ, бывало, въ золотое стремя
Еще въ городѣ Тьмуторакани,
А ужъ звонъ слышалъ
Издали великій
Ярославовъ сынъ Всеволодъ.
А Владиміръ—тотъ каждое утро
Себѣ уши затыкалъ въ Черниговѣ.

Бориса же Вячеславича
Слава на судъ привела.
Уложила его на смертный зеленый коверъ
Храбраго и молодаго князя
—Все изъ-за обиды Олеговой.

Съ такой же, съ Каялы,
Поволокъ тогда Святополкъ отца своего
—Окруженъ венгерскою конницею—
Ко святой Софіи, къ Киеву.

Тогда, при Олегѣ Гориславичѣ,
Засѣвалось, заростало усобицей,
Загибало достоянье Дажь-Божьяго внука,
Отъ княжескихъ крамолъ
Вѣкъ людей сократился.
Тогда по Русской землѣ
Рѣдко локликивали оратаи,
Но часто воронѣ каркали,
Дѣля трупы между собою;
Да галки заговаривали свои рѣчи
Сбираясь летѣть на покормку.

Вотъ что было въ тѣ рати и въ тѣ войны,
А такой рати еще и не слыхано!

Съ утра до вечера,
Съ вечера до свѣта,
Летять стрѣлы каленыя,
Гремятъ сабли обо племьы,
Трещатъ копьѣя вороненыя

—Въ степи безвѣстной
Среди земли Половецкой.

Черная земля подъ колытами
Костями была устѣяна,
Полита кровью,—
И горемъ всходы взшли
По Русской землѣ.

Что это шумить?
Что это звенить?
...Тамъ далеко—передъ утренней зарею?
Это Игорь заворачиваетъ полки:
Ему жаль брата,
Милаго брата Всеволода.

Бились день,
Бились другой;
На третій день къ полдню
Пали Игоревы знамена.

Здѣсь, на берегу быстрой Каялы,
Два брата между собой разлучилися!
Здѣсь кроваваго вина не достало;
Здѣсь до конца пиръ покончили
Русскіе богатыри.

Сватѡвъ напоили,
Да и полегли сами
За землю Русскую.

Поникла трава отъ жалости,
И дерево съ тоскою
Къ землѣ приклонилось.

И вотъ, братцы,
Ужъ невеселое времячко наступило!
Пустыня силушку похоронила.
Проснулась печаль-досада
Въ войскѣ Дажь-Божьяго внука.

А вѣщунъ стулиль на землю Троянскую
И лебединами тамъ заллескаль крылами!
На синемъ морѣ
У Дону плещучи,
Возвѣстиль широко-раздольныя времена!

Въ князьяхъ усобица, а намъ отъ поганыхъ погибель.

Какъ сталъ говорить братъ брату:

„Это мое, а вотъ это мое-же“—

И начали князья про малое

„Ахъ, это великое!“ молвить—

Сами на себя крамолу ковать начали.

А поганые со всѣхъ сторонъ

И пошли приходить съ лобѣдами

На землю Русскую.

Далеко занесся соколъ,
Птицъ сбивая къ морю!
...Храбрыхъ Игоревыхъ войска
Нѣтъ, не воскресить ужь!

Кликнули по немъ! Жалость широко
Потекла по Русской землѣ

.....

Жены русскія восплакались,

Причитывали:

„Уже намъ своихъ милыхъ дружковъ

Ни мыслею не смыслить,

Ни думою не вздумать,

Ни очами на нихъ не поглядѣть;

А того золота и серебра

Не думай и потрогать!“

И застоналъ, братья,

Кіевъ тоскою,

И Черниговъ отъ налестей.

Тоска разлилась

По всей Русской землѣ,

И печаль потекла широко.

Да! князья сами на себя
Крамолу ковали,—
А логаные (которыхъ сами они и обрушили
На Русскую землю съ побѣдами)
Брали дань
Отъ двора по бѣлкѣ.
Ужь эти два храбрыхъ Святославица,
Игорь и Всеволодъ,
Только разбудили старинное зло,—
А какъ, было, усыпиль его
Отецъ ихъ, Святославъ Грозный,
Великій Кіевскій!

Какъ грозно, было, притрепалъ онъ ихъ
Своими сильными полками,
Будатными мечами.
Онъ наступилъ на землю Половецкую,
Притопталъ холмы и овраги,
Помутилъ рѣки и озера,
Изушилъ потоки и болота;
А того логанаго Кобяка
— Изъ среды его великихъ желѣзныхъ
Полковъ Половецкихъ—
Будто вихремъ вырвало изъ Лукоморья,
И палъ-очутился Кобякъ въ Кіевъ—
Въ грядницѣ у Святослава.

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава
Поютъ славу Святославу,—
Они оплакивають князя Игоря,
Который все доброе похоронилъ
На днѣ Каялы,
Половецкой рѣки,—
Разсорилъ тамъ русское золото.

Тамъ князь Игорь былъ высаженъ
Изъ княжескаго золотого сѣдла
Въ сѣдло невольника.

Приуныли по городамъ ихъ зубчатая стѣны,
Все веселіе поникло.

Святославъ видѣлъ смутный сонъ
Въ Кіевѣ на горахъ.

— Всю ночь, говорить, съ самаго вечера,
Одѣвали меня, покрывали меня,
Черными гробовыми покрывами—
На кровати тесовой.

Подносили мнѣ синее вино

Съ горечью смѣшанное.

Изъ пустыхъ колчановъ

Погаanychъ кочевниковъ

Сыплютъ мнѣ на ложе крулымиъ жемчугомъ,

Да еще и ублажаютъ меня!

Ужъ однѣ стѣны голыя! А угловъ нѣтъ!

Въ теремѣ моемъ златоверхомъ.

Съ вечеру во всю ночь

Каркали вороны

У Плъньска, на Подолѣ,

Гдѣ дебрь Кисанова,—

И понесло ихъ вдругъ къ синему морю!

И отвѣчали бояре князю:

„— Князь! Ужъ тоска умъ лѣвила.

Это, вотъ, два нашихъ сокола слетѣли съ гнѣзда,

Съ отцовскаго золотого стола—

Поискать города Тьмуторакани,

Или испить

Шлемомъ Дону!

Да ужъ соколамъ крылышки

Олѣшаны саблями поганыхъ;

Ихъ самихъ опутали

Въ желѣзные пугы.

Какъ была темнота третьяго дни,

Еще два солнышка померкли,

И оба багровыхъ столпа угасли,—

Закатились съ ними и два молодыхъ мѣсяца,

Олегъ и Святославъ—

Въ морѣ заволоклись тьмою!

Дерзость великая взялась у хага.

На рѣкѣ Каялѣ
Тьма свѣтъ покрыла,
По всей Русской землѣ
Высыпали Половцы
Пуще чѣмъ рысиные выводки.
Ужь худа снеслась на хвалу,
Разразилась бѣда надъ волей!
Злой вѣщунъ свергнулся на землю!
Вонъ ужь готскія красныя дѣвушки
Заиграли веселыя лѣсни
На берегу синяго моря.
Русскимъ золотомъ позванивая
Онѣ поютъ время Буссова,
Прославляюгъ отищенье Тугорканово,—
А мы, твоя дружина, только и ждемъ весельца! “—

Тогда великій Святославъ
Выронилъ золотое слово
Со слезами смѣшанное,
И сказалъ:

— О, мое племячко,
Игорь и Всеволодъ!
Рано же вы затѣяли
Половецкую землю мечами крушить,
А себѣ искать славы!
Да неудачно вы напали,
Неудачно и поганую кровь пролили.
О, ваши храбрыя сердца
Кованы жестокою ковкой,
И закалены въ смѣлости,—
Но вотъ чего натворили
Вы моей серебряной сѣдинѣ!
Не увижу я больше власти сильнаго и богатаго,
Ни множества воиновъ брата моего Ярослава
Съ его черниговскими вольными людьми,
Съ Могущими, и съ Татранами,
Съ Шельбирами, и съ Толчаками,
И съ Ревугами, и съ Ольберами!
Тѣ вонъ безъ щитовъ, съ своими засаложными ножами,
Однимъ кликомъ любѣждаютъ полки,
Гремя славою моего прадѣда!

А вы похвалились: возьмемся-ка сами!
Славу, что впереди насъ—захватимъ,
А что позади насъ—съ собой подѣлимъ!..

Что жь, братья!
Диво что ль, думаете, мнѣ старому помолодѣть?
Когда соколъ въ мыту бываетъ,
Туть-то онъ и сбиваетъ птиць высоко,
Не отдасть своего гнѣзда въ обиду!
Да вотъ гдѣ зло: князья мнѣ больше не пособники,
Ничкомъ времена извернулись!

Слышите ли: ужь кричатъ въ Ромнахъ
Подъ саблями поганыхъ Половцевъ?
Ужь князь Владиміръ весь въ ранахъ лежитъ—
Тягота и тоска Глѣбовичу!

О, великій князь Всеволодъ!
У тебя и въ мысляхъ нѣтъ прилетѣть издалёка
Отцовскаго золотого стола поберечь!
А ты вѣдь можешь
Волгу раскропить вѣслами,
Шлемами весь Донъ вычерпать.
Будь только ты съ нами—
У насъ невольница была бы ло ногатѣ,
И невольникъ ло резанѣ.
Ты вѣдь можешь пѣсуху
Живыми шестолерами метать—
Удалыми сыновьями Глѣбовыми!

Ты, Давидъ, и удалой Рюрикъ!
Не ваши ли золоченые шлемы
Въ крови плавали?
Чьи жь это, какъ не ваши дружинники,
Рычатъ какъ волю дикіе,
Изранены каменными саблями—
Въ стели безвѣстной?

Вступите, господа,
Въ золотое стремя
За обиду нашего времени,

За землю Русскую,
За раны Игоря
Удалаго Святославича!

О, Ярославъ Осмомыслъ Галицкій,
Высоко сидишь ты
На своемъ златокованномъ столѣ!
Подперъ горы Карпатскія
Своими желѣзными полками,
Загородилъ луть Венгерскому королю,
Заперъ ворота на Дунаѣ.
Выше облакъ полчища перекидываешь
Высылаешь корабли по Дунаю.
Грѣзы твои по землямъ текутъ,
Кому хочешь въ Кіевѣ отворяешь ворота,
Воюешь съ отцовскаго золотого стола
Салтановъ за далекими землями.

О, государь! ты воюй Кончака,
Поганаго Кощея—
За землю Русскую,
За раны Игоря—
Удалаго Святославича!

А ты Мстиславъ и Романъ удалой!
Храбрые замыслы
Увлекаютъ вашъ умъ на подвиги.
О, какъ ты высокѣ заносишься
Въ отважныхъ дѣлахъ!
Такъ соколъ ширяется по вѣтру
— Стремясь лицу въ рѣзвости одолѣть.

Есть у васъ желѣзные латники
Подъ латинскими шлемами!
Ими земля потряслась,
И многія хановскія страны.
Литва, Ятвяги, Зимергола и Половцы
Побросали свои сулицы,
И подъ тѣ ваши мечи булатные
Свои головы преклонили.

Но уже, князь,
Для Игоря уцербнулъ солнца свѣтъ,
И дерево не къ добру
Листье обронуло.

Ужь по рѣкѣ Рси и по Сулѣ города подвѣлены!
Храбрыхъ Игорева войска
Нѣтъ, не воскресить ужь!

Донъ тебя призываетъ, князь!
Всѣхъ князей зоветъ на побѣду.
Олеговичи храбрые князья,
Одни подоспѣли на брань.

Ингварь и Всеволодъ!
И всѣ трое Мстиславичей!
Не худаго гнѣзда шестокрыльцы!
Не то чтобы жребіемъ побѣдъ
Себѣ волостей расхитили!
Гдѣ жъ ваши-то золотые шлемы,
И щиты и лясскія сулицы?
Обороните-прикройте дорогу въ степь
Своими острыми стрѣлами—
Ради земли Русской
Ради ранъ Игоря—
Удалаго Святославича!

Вотъ уже рѣка Сула
Не течетъ серебряными струями
Къ городу Переяслави;
И Двина потекла болотомъ
Къ тѣмъ грознымъ Полочанамъ
Подъ кликами поганыхъ.

Одинъ лишь Изяславъ Васильковичъ
Позвонилъ своими острыми мечами
Объ литовскіе шлемы.
Онъ приложилъ славы
Дѣду своему Всеславу.
А самъ, подъ красными щитами,
На окровавленной травѣ
Уложенъ подъ литовскими мечами.

И проговорилъ ояъ—какъ на кровать сложили—
„Дружину твою, князь,
Птицы приодѣли крылами,
Звѣри ей кровь подизали!“
И не было тамъ брата Брячислава,
Ни другаго, Всеволода.
Одинъ-одинёшенекъ ояъ выронилъ жемчужную душу
Изъ храбраго тѣла
Сквозь ожерельице золотое.
Приуныли голоса,
Все веселіе поникло.

Чу! трубы трубятъ Городенскія!
Ярославъ!
И всѣ внуки Всеславы!
Опустите-преклоните ваши знамена!
Вножите ваши опозоренные мечи!
Вы уже выключили себя
Изъ дѣдовской славы.
Это вы своими крамолами
Дали примѣръ наводить поганыхъ
На землю Русскую,
На достоянье Всеславо!
И была котора, и насилье
Отъ земли Половецкой
— Какъ въ тотъ вѣкъ Траяновъ.

Всеславъ металъ жребій:
Какая изъ невѣсть ему милѣ?
Ояъ стиснулъ коня колками,
Повесся къ городу Кіеву,
И таки достигнулъ концомъ колья
Золотаго Кіевскаго престола.
Ускакалъ отъ нихъ
Лютымъ звѣремъ въ полночь,
Въ Бѣлгородѣ обернулся синей мглой;
Утромъ же вонзилъ стремяна колючія—
Въ Новгородѣ отворилъ ворота:
Покончилъ славу Ярославову!
Зѣдалъ скачокъ волкомъ
Оттуда до Немиги.

На Немигѣ снопы стелютъ головами,
Молотятъ воробеными цѣлами,
На точёкъ жизнь кладутъ,
Вѣютъ душу отъ-тѣла.

Кровавые берега Немиги
Не добромъ были посѣяны,
Посѣяны костями русскихъ людей.

Князь Всеславъ давалъ судъ людямъ,
Уряжалъ города между князьями,
А самъ по ночамъ
Волкомъ рыскалъ.

Какъ изъ Кіева онъ дорыскивалъ
До города Тьмутаракани;
Онъ великому Свѣтилу-Хорсу
Волкомъ пересѣкалъ дорогу.
Ему въ Полоцкѣ

Рано позвонили къ заутрени
Въ колоколь у Святой Софіи,
А ему звонъ
Чудился въ Кіевѣ.

Хоть и вѣщая душа въ иномъ тѣлѣ,
Но бѣдами часто погрѣшала.
Вотъ на то-то вѣщій Боянь
Прежде всего мудрую прилѣвку сложилъ:
„Ни хитрому, ни проворному,
Ни птицей проворному
Не миновать суда Божьяго!“

О! стонать Русской землѣ
Помянувъ первое время
И первыхъ князей!
Для чего нельзя было того стараго Владимира
Навсегда пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ!
А нынѣ его знамена—одни князь-Рюриковы,
А другія — Давидовы,
И ужъ врозницу развѣваются ихъ лохмотья!

Не колья поютъ на Дунаѣ.

Слышите ли Ярославинъ голосъ?
Кукушкой, притаясь, на зорькѣ кличетъ.

„Полечу я, молвила, кукушкой
По Дунаю!
Омочу бобровъ рукавъ въ Каялъ,
Утру князю кровавыя раны
На его могучемъ тѣлѣ!“

Ярославна до зари плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Причитываетъ:

„Ахъ, ты вѣтеръ, вѣтеръ!
Что же ты, властитель,
Съ такой силой вѣешь?
Для чего наносишь
Хановскія стрѣлы,
Легкокрылый,
На воиновъ моего друга?
Мало-ль тебѣ было
Высоко подъ облаками вѣять?
Баюкалъ бы корабли
На синемъ морѣ.
А ты зачѣмъ, властитель,
Мое веселіе по ковылю развѣялъ?“

Ярославна раннимъ утромъ плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Причитываетъ:

„Ахъ, ты Днѣпръ Славутичъ!
Ты прошибъ и каменные горы
Черезъ землю Половецкую;
Ты на себѣ голубилъ
Святославовы гребныя лодки
До полковъ Кобяковыхъ.
О, приголубь, властитель,
Друга моего ко мнѣ,
Чтобъ я слезъ своихъ на море
По зарямъ къ нему не посылала.“

Ярославна утромъ плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Причитываетъ:

„Солнце! пресвѣтлое солнце!
Ты тепло и красно для всѣхъ.
Для чего же, свѣтъ мой,
Продлило свои горячіе лучи
На воиновъ моего друга?
Въ степи безводной
Жаждой повело имъ луки,
Тягостью колчаны имъ сомкнуло?“

И вспрыгнуло море въ полночь
Смерчи понеслись туманами.

Князю Игорю
Богъ путь кажетъ
Изъ земли Половецкой
Въ землю Русскую
Къ отцовскому золотому столу.

Погасли зорьки вечернія.

Игорь спитъ
И не спитъ.

Игорь мыслию поля мѣритъ
Отъ великаго Дона
До малаго Донца.
— Конь будетъ къ полночи —
— Овлуръ свистнетъ за рѣкою —
Ведитъ князю разумѣть!

Князя Игоря и нѣтъ какъ нѣтъ.

Кликнуло,—стукнула земля,
Трава зашумѣла,
Половецкіе матры всколыхнулись.

А князь Игорь
Бросился въ камыши горностаемъ,
Всплылъ бѣлымъ гоголемъ на воду;
Вскинулся на борзаго коня...

Потомъ соскочилъ съ него,
Да и побѣжалъ Донецкимъ лугомъ...
Соколомъ летить въ утреннихъ туманахъ,
Бьетъ себѣ гусей и лебедей
На завтракъ, обѣдъ и ужинъ.
Если Игорь летѣлъ соколомъ,
Такъ ужь Влуръ утекалъ свѣрымъ волкомъ,
Постраховавая студеную росу,
Потому что они загнали-распростерли своихъ борзыхъ
коней.

Сказалъ Донецъ:
„Князь Игорь!
Не мало тебѣ величанія;
А Кончаку досады;
А Русской землѣ веселія!“

Сказалъ Игорь:
„О, Дончикъ!
Не мало тебѣ величанія,
За то что князя лелѣвалъ на волнахъ,
Постилалъ ему зеленую траву
На своихъ серебряныхъ берегахъ;
Одѣвалъ его теплыми туманами
Подъ свѣью зеленого дерева,
Стерегъ его гоголемъ на водѣ,
Чайками на струяхъ,
Чирятами въ поднебесьи.
А вотъ не такова, говоритъ, рѣка Стugna!
Тощую струю имѣла,
А какъ поглотила ручьи чужіе...
И затормозило тогда лодки по кустамъ,
Юному князю Ростиславу
На своемъ темномъ берегу—выходъ въ Днѣпръ за-
творила.
О, какъ плакала тогда мать Ростислава
По юномъ князѣ Ростиславѣ,
Приуныли цвѣты отъ жалости,
И дерево съ тоскою
Къ землѣ приклонилось.“

Сороки ли это застрекотали
Нѣтъ, по Игореву слѣду
Это ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Вороны тогда не каркали,
Галки пріумолкли,
Не трещали и сороки,—
Только дятлы, по стволамъ лая,
Знають себѣ постукивають,
Путь къ рѣкѣ кажутъ.
Соловьи веселыми пѣснями
Разсвѣтъ возвѣщаютъ.

Говорить Гзакъ Кончаку:
„Такъ какъ ужь соколъ къ гнѣзду летить,
Давай мы соколенка разстрѣляемъ
Своими золочеными стрѣлами.“

Говорить Кончакъ Гзаку:
„Такъ какъ ужь соколъ къ гнѣзду летить,
Мы давай соколенка опутаемъ
Красною дѣвицей!“

И сказалъ Гзакъ Кончаку:
„Если мы его опутаемъ
Красною дѣвицей,—
Не нашъ будетъ соколенокъ,
Не наша будетъ и красная дѣвица!
Какъ бы насъ тогда птицы-то не заклевали
Въ полѣ Половецкомъ!“

Говорилъ Боянь,
И години Святославовой
Пѣснотворцы стараго времени
(И Ярослава, и Олега князя):
„Хоть тяжко тебѣ головѣ безъ плечъ,
Но зло и тебѣ тѣлу безъ головы“
— Русской землѣ безъ Игоря!

Солнце свѣтитъ на небѣ,
Князь Игорь въ Русской землѣ.

Дѣвицы поютъ на Дунаѣ,
А голоса вьются
Черезъ море до Кіева.

...Игорь ѣдетъ по Боричеву
Ко святой Богородицѣ Пирогощей.

Села радуются,
Города веселятся.

Слѣвши лѣсню старымъ князьямъ,
Потомъ и молодымъ лѣтъ.
Слава Игорю Святославичу!
Удалому Всеволоду слава!
Владимиру Игоревичу слава!
Будьте здравы, князи и дружина,
„Поборая за крестьяны
На поганые полки.“

Слава князю и дружинѣ!

Скажемъ въ заключеніе что всѣ тѣ мѣста въ которыхъ поминается Боянь, — они-то и представляются до сихъ поръ наименѣе разгаданными, всего болѣе испорченными. Самъ авторъ, по всѣмъ признакамъ, разумѣлъ подъ Бояномъ какого-то вѣщага *vates*, какого-то, какъ выражается князь Вяземскій, *поэта по преимуществу*, словомъ, баяна, а не Бояна. Но перепищики могли спутать первоначальный смыслъ.

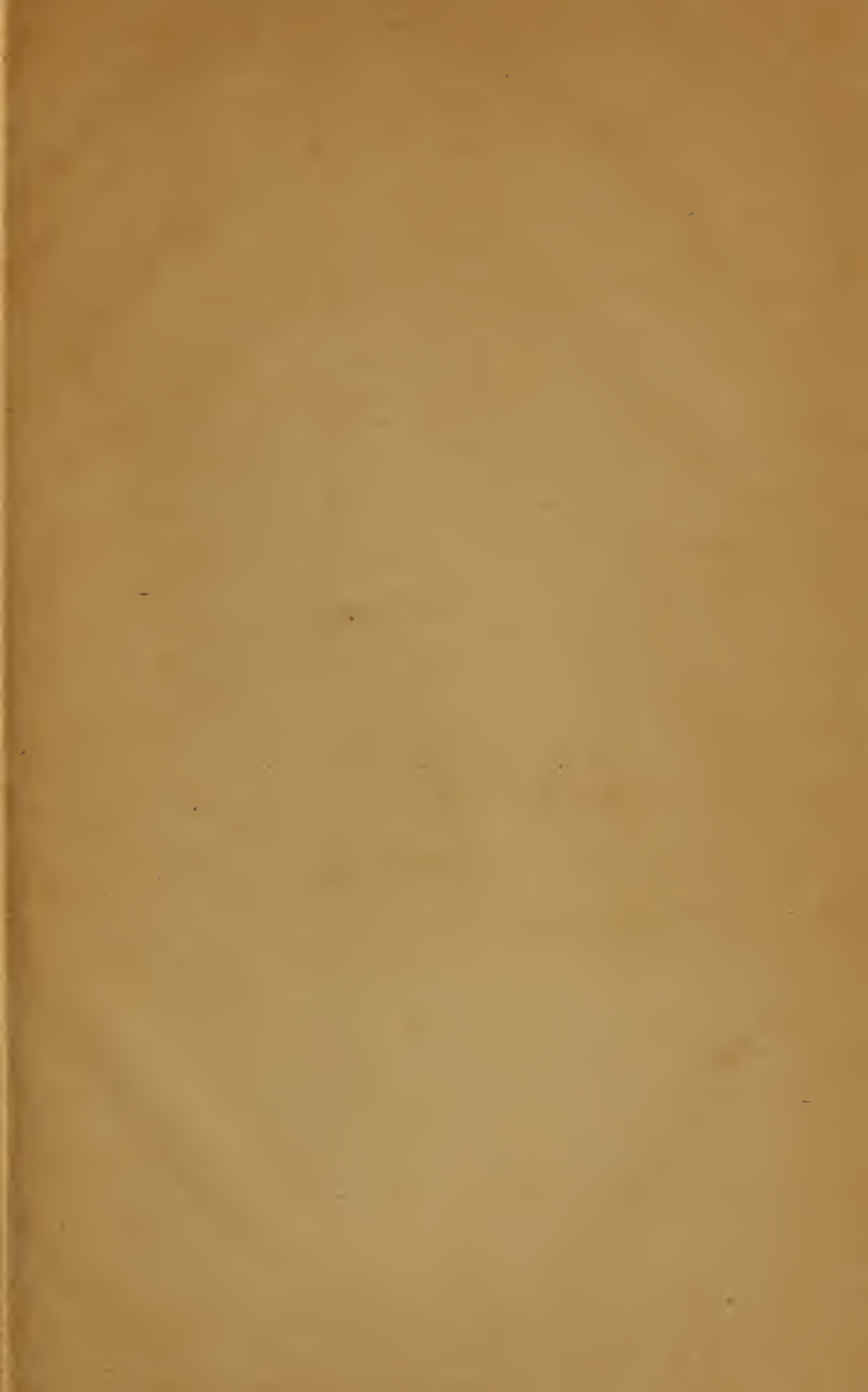
Загадочною остается самая первая картина въ *Словѣ* пусканія соколовъ на лебединое стадо. Если принять это за поэтическое улодобленіе игры на гусяхъ (какъ-и толкуетъ самъ лѣвецъ) тогда въ послѣдующихъ стихахъ слѣдуетъ предположить или пропускъ или искаженіе, безъ того самъ Боянь представляется распѣвающимъ лѣсню про Ярослава и про другихъ старыхъ князей. А чувствуется что это не такъ....

Въ *Словѣ* нѣтъ никакихъ достаточныхъ данныхъ для того чтобы считать баснословнаго Бояна непременно за историческое лицо, вполне будто бы извѣстное автору, который и упоминаетъ въ своей поэмѣ: и въ какой вѣкъ жилъ Боянь, и какому изъ своихъ современниковъ онъ сложилъ какую

пѣвку. При воспоминаніяхъ о Полоцкомъ Всеславѣ авторъ, правда, приводитъ Боянову припѣвку о томъ что ни хитрому ни гораздому не избыть суда Божьяго. Изъ этого многіе и заключаютъ что Боянъ былъ современникомъ Всеслава. Но это неправильно. „Тому Боянъ первое припѣвку рече“ очевидно значить: „Вотъ на то-то прежде всего Боянъ и сложилъ припѣвку“. Легко можетъ-быть что у пѣвцовъ позднѣйшихъ сохранялась память о прежнихъ княжескихъ пѣвцахъ, особенно о славнѣйшихъ изъ нихъ. Легко быть можетъ поэтому и то что какого-нибудь Бояна, или даже Яна, пѣвецъ *Слова* поэтизировалъ образомъ вѣщаго Бояна, миѣическихъ временъ, а перепищики этого не разобрали и исказили смыслъ автора.

Но его Боянъ, летающій орломъ подъ облаками, носящійся волкомъ по землѣ и расточающійся соловьемъ по дереву, мчащійся чрезъ поля на горы—лицо идеальное, чтобы не сказать миѣическое. Пѣвецъ, зоря его внукомъ Аполлона (внукомъ Велеса), видитъ себя въ томъ славу чтобы быть его послѣдователемъ, чтобы считаться его продолжателемъ. Нѣкоторые критики, и можетъ-быть не безъ основанія, полагаютъ видѣть въ миѣическомъ Боянѣ самого Гомера.

LIBRARY OF CONGRESS

00025242476

